

Месть пока подожждёт

Детективная история



Григорий Гаврилов

Месть пока подождет

«Автор»

2026

Гаврилов Г.

Месть пока подождет / Г. Гаврилов — «Автор», 2026

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В тугой узел переплелись интересы Центрального разведывательного управления, Департамента по борьбе с наркотиками, лидера арабских террористов Гарифа и жестокого наркобарона по кличке Меченый. Распутать этот узел оказалось под силу мужественному юноше Давиду, ставшему на путь борьбы с преступностью и наркотрафиком. Ему помогает его верная девушка, красавица мулатка Лана, и его приемный отец Беня Брайтонский. На этом пути Давид волею судьбы встречает давно утерянных родственников и бывает в интереснейших уголках Земли. Все действующие лица в книге вымышленные, упомянутые организации существуют на самом деле. Посвящаю любимой жене, без которой не было бы этой книги!

© Гаврилов Г., 2026

© Автор, 2026

Григорий Гаврилов

Месть пока подождет

ГРИГОРИЙ ГАВРИЛОВ
МЕСТЬ ПОКА ПОДОЖДЕТ
Детективная история

В тугой узел переплелись интересы Центрального разведывательного управления, Департамента по борьбе с наркотиками, лидера арабских террористов Гарифа и жестокого наркобарона по кличке Меченый. Распутать этот узел оказалось под силу мужественному юноше Давиду, ставшему на путь борьбы с преступностью и наркотрафиком. Ему помогает его верная девушка, красавица мулатка Лана, и его приемный отец Бенья Брайтонский. На этом пути Давид волею судьбы встречает давно утерянных родственников и бывает в интереснейших уголках Земли. Все действующие лица в книге вымышленные, упомянутые организации существуют на самом деле. Посвящаю любимой жене, без которой не было бы этой книги!

Литрес Москва 2026 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1. Перестрелка на дороге. Одри – стр. 4
- Глава 2. Воспоминания- стр. 6
- Глава 3. Приемный отец – стр. 11
- Глава 4. Домик Одри. – стр. 14
- Глава 5. Неожиданный союзник – стр. 16
- Глава 6. Лана – стр. 18
- Глава 7. План – стр. 21
- Глава 8. Лана. Воспоминания – стр.23
- Глава 9. Участвую в делах Бени – стр.25
- Глава 10. Учеба – стр. 26
- Глава 11. Моя первая миссия на Святой Земле – стр.30
- Глава 12. Нададь. – стр.37
- Глава 13. Свет любимых глаз -стр.39
- Глава 14. Первый контакт – стр.44
- Глава 15. Команда – стр.44
- Глава 16. Снова Назарет. У каждого своя правда – стр.46
- Глава 17. Конец банды Меченого – стр.49
- Глава 18. Вместе. Как хорошо дома! – стр.54
- Глава 19. Послесловие – стр.55

Глава 1. Перестрелка на дороге. Одри.

Дождь лил не переставая. Дворники не справлялись, и по переднему стеклу змеились стеклянные струи. Сырость чувствовалась даже в кабине. Я поёжился и поднял воротник куртки, внимательно вглядываясь в темноту и пытаюсь понять, не пропустил ли нужный поворот. Фары едва выхватывали спереди кусок дороги, исчерченный летящими струями. Стук капель по крыше убаюкивал. Приходилось рывком головы стряхивать сон, чтобы не улечь в кювет. Вдруг впереди мелькнула темная туша большого автомобиля, которая быстро приближалась по встречной полосе. Сидевший рядом с водителем что-то кричал в рацию. После

короткой вспышки глухо зазвучали выстрелы. Стреляли через заднее боковое окно, и пули ушли в поле, лишь одна слегка чиркнула по крылу моего автомобиля. Значит, мой маршрут все же вычислили, и эти парни шутить не намерены. Рванув руль вправо, я сменил траекторию движения, уходя с линии обстрела. Затем, рывком руля влево, по касательной левым крылом ударил в бок их автомобиля, ближе к багажнику, сбивая их с дороги в темноту. Шум дождя почти заглушил звук удара, которого хватило, чтобы развернуть машину преследователей поперек узкой дороги, и она скатилась назад задними колесами в кювет. Скверно, придется бросать или менять машину, они наверняка сообщат направление моего движения. Увеличивая скорость, я рванул вперед, ожидая выстрела вслед, но его не было, – видимо, они пока не пришли в себя от удара.

Через некоторое время вдали сверкнули фары встречного авто. Так... если это снова по мою душу, пальба будет нешуточной. Что ж, я готов. Как, впрочем, и всегда. Особенно в последние дни.

Развернув машину поперек дороги, я пригнулся у заднего колеса, заметив краешком сознания, что дождь почти закончился. Медленно затормозив, автомобиль остановился метрах в пяти от меня. Минуту – другую все было тихо, только тихо урчал мотор встречного авто. Свой я на всякий случай глушить не стал.

Неожиданно прозвучал женский голос:

–Эй, что у вас там, вы живы?

Сквозь переднее стекло я различил женский силуэт за рулем. Или это что-то новое в репертуаре моих «друзей», или мне вдруг просто повезло. Засунув пушку за ремень брюк сзади, я рискнул высунуться, крикнув, что я попал в беду, что мой автомобиль заглох, когда я пытался развернуться.

–Подойди ко мне, держи руки на виду, – резко крикнула женщина.

Уверенным шагом ни в чем невиновного человека я прошлепал по лужам, на всякий случай приготовившись отпрыгнуть, если увижу отблеск оружия. Яркая

блондинка оглядела меня настороженно, слегка приоткрыв дверцу. Вздрогнув, я узнал Одри, дочь босса.

– Беглый песик намок и поджал хвост, – ухмыльнулась она. Не бойся. Я не больше, чем ты, обожаю своего папулю.

Услышав в ее словах едкий сарказм, я вспомнил, как однажды слышал ее скандал с боссом, и подумал, что ситуация может повернуться в неожиданную для меня лучшую сторону.

– Залезай, мокрый птенчик, и не дури. Я в курсе и даже в восторге от твоих подвигов, так что мне они только на руку, – услышал я подтверждение своих предположений.

– Давай назад, чтобы не намочить мне сиденье, и поехали. Не думай, что я здесь случайно и спасаю тебя ради твоих серых глаз (они и вправду у меня серого оттенка, ближе к стальному).

– А как ты узнала, где меня искать? – спросил я.

– Папашка так орал по радию, что я все поняла. Услышала, где тебя преследуют, и решила посмотреть, что будет. Похоже, они тебя не остановили?

– Я, похоже, сам их остановил, – с усмешкой ответил я. – А я-то тебе зачем?

– Ты мне нужен, также как и я тебе. Как ты понимаешь, я здесь не случайно. Слышала кое-что о твоих подвигах.

– Только не понимаю, зачем тебе все это, – опять спросил я. Может, объяснишь?

– А ты подумай, говорят, ты вообще-то сообразительный. И кое-что тоже должен был слышать.

– Что, так не любишь своего папочку?

– Ненавижу. Не могу жить, пока он ходит по этой земле.

И столько неприкрытой ярости прозвучало в ее словах, что я сразу и безоговорочно поверил ей. Тем более, ходили слухи, что босс причастен к смерти ее матери. Там была какая-то темная история. Вроде бы женщина посмела гульнуть на стороне, и это плохо закончилось для неё. Одри тогда было восемь лет, и ей сказали, что это был несчастный случай.

– Это все из-за матери? – спросил я. – Узнала что-то?

– Неважно. Ты мне сейчас нужен, как и я тебе. Этого пока достаточно. Заткнись и поехали.

Да, крутая оказалась девочка. Или, вероятнее всего, просто изображала крутую, оказавшись в сложной жизненной ситуации. Она ведь еще совсем юная.

Я счёл за лучшее промолчать, тем более что особого выбора у меня не было.

Короткий взгляд из-под длинных ресниц:

– Виски в бардачке, согрейся.

Я вдруг почувствовал, как промок и замерз, не заметив этого в пылу атаки и бегства. Сделав хороший глоток виски, чтобы согреться, я принялся обдумывать ситуацию. Похоже, у меня появился лишний козырь. Только пока непонятно, как им воспользоваться. Темная лошадка эта Одри. Всегда казалась такой тихой. Хотя я замечал иногда в её взгляде странный блеск, когда она смотрела на папулю. Будто искра мелькала и исчезала.

Некоторое время мы ехали молча. Я изредка искоса бросал взгляд на мою спутницу. Её слегка наморщенный лоб и покусывание губ выдавали напряженную работу мысли. Несмотря на кажущуюся решимость, в её облике поступала плохо скрываемая неуверенность. Одно дело составить план, руководствуясь эмоциями, что обычно свойственно женщинам, другое – действовать в соответствии с этим планом, когда вдруг кажутся несогласованными детали и начинают лезть в глаза нестыковки. Наконец она тряхнула кудрями и, видимо, приняла какое-то решение. Или просто решила его осуществить.

– Что ты собираешься делать? – спросил я. – Напрямую к твоему папаше не подберешься, его псы – профессионалы, все время его грамотно прикрывают.

– Ты сам был из них, чего переметнулся? – спросила она.

– Потерпи, узнаешь в своё время – ответил я. – Лучше расскажи, что там творится?

– Папашка просто осатанел, когда узнал, что ты контактишь с его конкурентами и его обманываешь. Ливанец, которого они поймали, проговорился. Они его сначала поколотили, потом припугнули пытками, если молчать будет. Я все слышала из своей комнаты. Меченый рвал и метал, грозился подвесить тебя вверх ногами и медленно резать по кусочкам. Не пойму я тебя, вроде ты был у него в любимчиках?

Я обратил внимание, что Одри называла шефа или папашка или кличкой Меченый, по которой он был известен в криминальных кругах. Но никогда отцом и тем более папой. Это давало дополнительную информацию об их отношениях.

Операцию по аресту его банды я готовил несколько лет, и чуть было все не сорвалось из-за случайного прокола. Надо было менять план, а пока мне требовалось немного отдыха. Под уютный звук мотора я незаметно для себя задремал, и мысли будто сами собой уплыли в прошлое.

Глава 2. Воспоминания

Я родился в городе Одесса, штат Техас. Свое название наш город получил от русских рабочих, которые строили здесь железную дорогу в 1881 году. Им наши мелкотравчатые степи напоминали далекую родину. Интересно, что примерно в эти годы мой дед по матери, Соломон Рабкин, перевез свою семью из России в США, убегая от еврейских погромов. Он был потомственным аптекарем, как и впоследствии его сын. Бруклин, куда они перебрались, тогда считался самым опасным городом в Америке. На его улицах происходили разборки этнических банд, случались уличные перестрелки, в одной из которых случайно и погиб мой дед. Моя мать Эсфирь (все звали ее Фира) родилась в 1942 году. Когда ей исполнился 21 год, семья, увлечен-

ная надеждой начать новую жизнь на Святой земле, решила перебраться в Израиль. Мама моя была редкой красавицей, к тому же своевольной. Она по любви вышла замуж за высокого статного блондина, простого американского рабочего парня. Он уговорил ее перебраться в Техас, куда нефтяная лихорадка в те времена влекла многих в надежде на обеспеченную жизнь.

Однако на деле все оказалось не так красиво, как представлялось. Отец мой с трудом нашел работу механика в автомастерской. Работа была нелёгкая, труд с раннего утра до позднего вечера. Это если в дневную смену. Пропыленные машины, которые надо ремонтировать, несмотря на усталость. Руки его были вечно в мазуте и бог знает в чём еще, отчего цвет их навечно приобрёл коричневатый оттенок. Неизменные вечера с кружкой пива в соседней забегаловке, чтобы сбросить напряжение трудового дня, и где время от времени вспыхивали ленивые драки, так, для развлечения.

В отличие от взрослых, наши детские драки были здесь злыми и жестокими. Может быть, сказывались безответные тумаки, полученные от отцов, часто просто так, ни за что. В этих наших драках закалялись характеры, образовывались и распадались временные союзы. В общем, это была жесткая школа жизни, или, скорее, школа выживания. С тех пор у меня на память остался шрам на шее, подарок Психованного Билла, самого крутого пацана нашей улицы, как и я, неистового и неустрашимого в драке. Самое интересное что этот шрам так и остался у меня единственным, несмотря на все последующие «приключения» моей жизни.

Нашей округой верховодил тогда мой нынешний босс, который заправлял профсоюзом местного заводика и собирал дань с заправок, автомастерских и других мелких предприятий. Все называли его Шеф. Уже тогда он славился неистовой жестокостью. Его все боялись и не смели ему перечить. Хотя денег на жизнь многим в нашем городке не хватало, большинство молча отдавало ему то, что босс считал естественной платой за охрану, хотя как таковой охраны он не обеспечивал. Разве что время от времени разбирался с наездами залётных бандитов, которые пытались отобрать его кусок пирога, – профсоюз заводика по переработке нефти в нашем городке был лакомой добычей.

У моего отца был взрывной характер, который, похоже, унаследовал и я, хотя впоследствии я и научился держать себя в узде. А когда моя мать умерла от рака, отец и вовсе озлобился. Мою мать он очень любил и боготворил.

Мне было 14 лет, когда в один из визитов Шефа отец попытался оставить себе недельную выручку или хотя бы часть её. Выручка от ремонта авто была в этот день мизерной, и отец попросил оставить выплату до следующего раза. Босс стал кричать, что такса есть такса. Один из его подручных полез в кассу. Как я узнал потом, отец вспылил и оттолкнул боссову шестёрку, на что Шеф выхватил пистолет и стал угрожать. В порыве гнева отец пошёл на босса, сжимая кулаки, и тот импульсивно выстрелил. Скорее всего, он не собирался убивать отца, просто хотел попугать для острастки, но выстрел оказался роковым.

Так я остался один.

Ночью того же дня я с помощью своего приятеля облил бензином гараж при доме Шефа. Ближе к дому подобраться было рискованно. Меня могли увидеть и схватить. Пожар, который затем перекинулся на дом, мы наблюдали из-за кустов на холме, после чего я с минимумом вещей, которые подготовил заранее, сбежал из города. Позднее я узнал, что босс со своей командой тоже перебрался в другой город, побольше и поближе к Мексике, и занялся контрабандой наркотиков. Как я узнал, при борьбе с огнем, который я тогда распалил у его дома, он сильно обжег правую руку и часть лица, что не прибавило доброты его характеру. С тех пор в преступной среде к нему прилипло прозвище Меченый.

После прилива мстительной радости, дававшей мне силы действовать, на меня вдруг накатили дикий ужас и апатия. Я сообразил, что босс может догадаться о моей причастности к пожару и начать меня искать. Перед моим воображением замелькали картины того, что он может со мной сделать. Живот скрутило в комок, меня стошнило, кожа покрылась липким

потом от страха, сильнее которого я, наверное, не испытывал никогда потом. Из этого состояния меня вывел приятель, сильно хлопнув меня по плечу со словами:

–Ты че, пожарник, слабо стало? Утрись и давай деру. И мне надо домой, чтобы мамка не хватилась. Хотя ей все равно, спит в обнимку с бутылкой!

Отец его погиб в аварии на заводе, и мать с тех пор крепко пила.

Он толкнул меня в сторону шоссе, по которому проносились редкие машины, сверкая в темноте огнями фар:

–Беги давай, пока тебе, да и мне жопу не надрали. Может, свидимся когда. Мы неожиданно для себя крепко обнялись, ударились кулаками, и я, не оглядываясь, поспешил к новой жизни, в которой были бесконечные трейлеры, куда меня пускали сердобольные водители и для которых я на заправках бегал за бутербродами, глотая слюну от голода. Я решил бежать в сторону Восточного побережья, подальше от нашего городка. Занимался мелким воровством еды на рынках, ночевал рядом с бомжами, которые иногда меня подкармливали и давали что-нибудь, чтобы укрыться ночью, а иногда отбирали у меня последнее. Я стал еще более худым и злым. Иначе мне было не выжить в том мире, в котором я оказался и в который меня выбросила судьба. Так я оказался в итоге на Брайтон Бич. Здесь я нахватался русских и еврейских словечек. Работал поломойкой в кафе «У твоей тещи», мыл посуду в уйгурском кафе «Кашкар» (есть такая экзотическая национальность со своим кафе в конце Брайтон Бич, где мне перепали остатки необыкновенно вкусного блюда под экзотическим названием «Лагман»). Одно время я почему-то думал, что это блюдо еврейское, и не понимал почему его готовят в кафе с восточной кухней.

Вообще, Брайтон Бич оказался фантастическим местом с удивительным смешением разных национальностей, среди которых было больше всего русских и евреев, со своим своеобразным жаргоном, к которому я не сразу привык. Например, часто можно было услышать «наслаивать колбаску», «отчарджить», но в конце концов я сам научился говорить вроде «четыре найнти найн» и так далее, и меня постепенно стали принимать за своего. И тут судьба неожиданно сделала мне подарок.

Популярной, можно сказать, легендарной личностью на Брайтоне был Бенья Брайтонский. Франт, всегда носивший шикарные костюмы, он пел в местных ресторанах, чаще всего в «Татьяне». Поговаривали, что он связан с русской и еврейской мафией.

Я свободные от работы минуты караулил у дверей «Татьяны», рассчитывая помочь выходящим посетителям поднести вещи или оказать другие мелкие услуги в надежде заработать доллар – другой. Швейцары меня узнавали и не гоняли, зная, что я не краду и не позволяю ничего лишнего. Уже тогда я понимал, что нельзя красть и гадить там, где обитаешь. Иногда я даже подменял их на минуту, если им требовалось отойти. Идя туда, я старался всегда одевать свою лучшую одежду из своего скудного гардероба. И вот в один из таких дней мне повезло поднести к машине чемодан Бени. Как я потом узнал, он должен был после ресторана ехать прямо в аэропорт. Когда я складывал чемодан в багажник, он взял меня за ухо, повернул к себе и как-то очень пристально и долго смотрел мне в глаза. Что меня удержало от желания вырваться и убежать, не знаю. Наверное, то, что называют шестым чувством.

«Ты чей, малец?», – спросил Бенья. И тут я неожиданно для себя задумался и не знал, что ответить. Сирота? Так на Брайтоне их хватало и без меня. Я не знал, что ответить. Только почему-то по моей щеке скользнула и упала на асфальт горячая слеза.

–Голь перекатная, – ответил я, как здесь было принято. И снова замолчал.

–Найди меня, как вернусь, не пожалеешь, – ответил Бенья, сел в машину и уехал. А я долго стоял и смотрел ему вслед.

Через две недели Бенья Брайтонский вернулся. Я все это время ходил под странным впечатлением от последней встречи с ним. Она меня напугала и насторожила. При этом я никогда не считал себя трусом, да и не был им, несмотря на удары, которыми меня награждала жизнь.

А может быть, как раз благодаря им. Какая-то грозная сила исходила от этого человека, при его кажущейся мирной и даже забавной внешности, с кустистыми бровями, сросшимися над мясистым крючковатым носом, всегда франтоватой одежде и манере поведения. Я не спешил встретиться в нем, то ли из гордости, то ли чего-то выжидая. Продолжал мыть посуду и полы в кафе. По вечерам на пляже оказывал мелкие услуги богатым купальщикам, бегая за лимонадом и мороженым, разглядывая стройных загорелых девушек. Бродил босыми ногами по пенной кромке прибоя около пирса Литтл Стоун, слушая крики чаек. Однажды, когда я возвращался в свою комнатку, которую я снимал на пару с другим работником кафе, меня нашли подручные Бени. На Брайтоне, не очень пока еще заселенном в то время, было известно все про всех, поэтому я не очень удивился, что они смогли меня найти.

Со словами «Пойдем, Бенья ждет» меня повели к большому белому авто, не дав переодеться. Похоже, им и в голову не пришло, что я могу возражать или сопротивляться. Один из них, здоровенный и крутой на вид, с мясистым лицом и глазами навывкате, вел меня, положив руку мне на плечо, видимо, опасаясь, чтобы я не дал деру. Я резким движением выскользнул из-под его руки (пригодился опыт уличных драк) и пошел к автомобилю самостоятельно. Он одобритительно хмыкнул в ответ, проворчав глухо что-то вроде: «от Бени не бегают». Ехали мы молча на широком заднем сидении, пахнувшем дорогой кожей. Я ловил краем глаза удивленный взгляд своего провожатого, делая вид что ничего не замечаю. Когда мы вышли из машины, он дал мне совет, скорее беззлобно и дружелюбно, чем строго:

–Ты того, парень, зря не дергайся, Бенья этого не любит.

Большая комната на первом этаже особняка Бени поразила меня какой-то несовременностью и уютом. Занавески на окнах в мелкий цветочек, абажур над круглым столом. Старинный на вид диван и кресла. Позже я узнал, что часть мебели Бенья перевез сюда со своей родины особым рейсом, чтобы она напоминала ему о доме в его родном городе Одесса!

Меня усадили в большое мягкое кресло, в котором я сразу глубоко провалился. Когда Бенья слегка шаркающей походкой вышел из соседней комнаты, меня поразило его необычайно серьезный и какой-то потерянный вид. Он тяжело опустился передо мной на стул с высокой спинкой, разом оказавшись выше меня, даже при его маленьком росте. Посмотрел на меня внимательно и пристально. В глубине его больших глаз с набрякшими веками билась трудно скрываемая боль. Их выражение в тот миг я запомнил на всю жизнь.

–Послушай, Дава, – глухо произнес он. –Послушай и прими решение, может быть, самое главное в твоей жизни.

Он замолчал довольно надолго, поджав и пожевав губы. Потом, глубоко вздохнув, продолжил:

–У меня был сын, любимый и единственный. Которому я мечтал передать свои дела.

Он снова помолчал.

–Он умер. От тяжелой болезни. И я не смог его спасти. Лучшие врачи не смогли его спасти. Я его недавно похоронил.

Он опять надолго замолчал. Затем, с трудом сглотнув, продолжил.

–На его могиле я поклялся, что передам его жизнь другому мальчику, и он как будто продолжит ее в другом теле. Он так любил жизнь...

Он устремил на меня тяжелый взгляд, который прожег меня до дна моей души.

–Я давно заметил, что ты внешне похож на него, когда ты крутился вокруг. И есть в тебе что-то еще, что мне его напоминает. Какая – то собранность, серьезность, неброская старательность что ли. Ты не лезешь на глаза, но делаешь свое дело. Я кое-что разузнал про тебя. Ты ведешь себя честно с людьми и не подводишь тех, с кем имеешь дело. Не лезешь вперед, но и не даешь себя оттолкнуть и наступить себе на ногу. Я не смог ничего узнать о твоём прошлом. Кто ты и откуда. Никто не смог ничего рассказать, хотя, поверь, я умею спрашивать.

Это тоже говорит в твою пользу, ты не болтун. Я и тебя не буду спрашивать. Сам расскажешь, когда захочешь. Если...

Тут он еще помолчал.

–Я могу дать тебе другую жизнь. В чем-то легче, в чем-то, может быть, труднее. Тебе решать. Я понимаю, это непросто. Поверь, как и мне. Я могу дать тебе другое имя и статус, другие права, но и другие обязанности. Мне кажется, ты понимаешь, о чем я, если ты не глуп. А это похоже так и есть. Я редко ошибаюсь в людях. А теперь иди. Подумай и приходи. Если придешь, назад пути не будет.

С этими словами он встал, опершись рукой на мое колено, и ушел в другую комнату.

Когда, я выбрался из кресла, перед глазами все плыло, все казалось нереальным. Машинально я побрел к выходу. Меня никто не провожал, лишь стрельнули заинтересованными взглядами. Я не сразу сообразил, куда идти, и лишь брел по улице, опустошенный. Перед глазами вдруг всплыла фотография матери, которую я успел забрать с собой, когда убежал из родного дома. Она была красивой, с большими глазами, хотя и с несколько изможденным лицом, выражение которого было характерно для женщин нашего городка, мужья которых добывали средства на жизнь и пропитание тяжким трудом.

Имя Давид для меня выбрала мама незадолго до моего рождения, в память о своем деде, который перевез в свое время семью в США.

Я долго брел по улицам без всякой цели. Мысли сами бессвязно текли в моей голове. Это были то обрывки воспоминаний, то размышления о будущем, то грусть по такому недалёкому, но уже теряющемуся в дымке детству. Вспоминалось почему-то только хорошее. Видимо, мозг сам отбирает, что тащить с собой в будущее, чтобы облегчить и не отягощать жизнь неприятными воспоминаниями.

Глава 3. Приемный отец

В какой-то момент я обнаружил себя перед входом в особняк Бени и осознал, что в душе уже принял решение. Не только ради благ, которые меня могли ожидать в будущем. Я понял, что меня влечёт к этому человеку. Его неординарность. Скрываемая, но все же заметная внутренняя сила.

Я быстро поднялся по ступенькам. Меня никто не остановил. Когда я прошёл внутрь, Бенья подошёл ко мне, как будто ожидал моего появления, и крепко пожал мне руку, произнеся с едва заметным вздохом:

–Ну вот и хорошо. Проходи. Свои вещи заберёшь потом.

Так начался следующий этап в моей жизни.

Из тех немногих вещей, которые у меня оставались в прежнем жилье перед переездом к Бене, я забрал только мамину фотографию и тот единственный приличный костюм, который был на мне.

–Ты переходишь в другой статус, – сказал мне Бенья, когда я собирался идти за своими вещами.

– Поэтому заberi только самое нужное, и еще дорогое сердцу, если есть. Все остальное у тебя будет. Ты должен постепенно стать другим, оставаясь самим собой, если ты понимаешь, что я имею в виду. Поможет этому какая-то важная вещь из прошлого, как у меня это было в свое время. Урок номер один: умей меняться в зависимости от ситуации, оставаясь внутренне самим собой. Тогда у тебя будет опора в трудные минуты. Она тебя поддержит и спасет, даже когда покажется, что сил больше не осталось.

Покидая свое прежнее жилище, я вдруг почувствовал, что, несмотря на открывающиеся перспективы, мне жаль расставаться с этой комнаткой. Как бы то ни было, я к ней привык. Здесь я начал взрослеть. Что называется, вставать на ноги, привыкая к «взрослой» жизни. И я решил запомнить и сохранить в себе это ощущение, ставя его в ряд с остальными воспомина-

ниями из моей прошлой и будущей жизни. Еще раз оглядев комнату, я оставил на столе ключ и записку своему соседу с пожеланием удачи.

Жизнь с Беней оказалась не такой легкой и сахарной, как можно было предположить. Да, я питался более качественной и вкусной пищей чем раньше, и одежда моя была не в пример лучше. Но с самых первых дней началась моя учеба. Математика, география, английский, испанский, русский, идиш. Истории меня учил сам Бенья, с учетом тех событий, в которых участвовал он сам или его семья, и эта история была гораздо более жизненная, чем та которую преподают в школах и вузах. И более завязанная на то, к чему Бенья меня готовил. Это я понял позднее, побывав в различных непростых ситуациях, и эти знания меня очень выручали, давая точку опоры. Позднее к языкам добавился арабский, который очень пригодился мне в дальнейшем. Также мой приемный отец занимался со мной психологией, считая это важнейшей для жизни наукой. Он учил меня понимать собеседника по малейшим жестам, позе, манере смотреть, особенности произносить слова.

–Ты должен научиться понимать, чего на самом деле ждет или хочет от тебя собеседник, – говорил Бенья. – Именно на самом деле. И постараться ему это дать, ничего не требуя и не ожидая взамен. Или умей отказать так, чтобы не обидеть, и было понятно почему. Так ты покажешь свою силу и независимость, но и доброту и щедрость тоже. Так ты не наживешь врагов, и, возможно, обретешь друзей. Твое слово должно быть весомым. Для этого надо продумывать то, что говоришь, прежде чем слова вылетят изо рта. Это путь к тому, чтобы тебя уважали и тебе доверяли. Много не обещай, но обещанное выполняй. Помни, что я за твоей спиной, со своим именем и возможностями. Но со временем должны начать работать и твоё имя, и твои возможности. Учись, больше читай умных книг. В них ты найдешь опыт других людей, который тебе пригодится. И еще – интересуйся историей других народов и наций, тем более что в Америке живут выходцы отовсюду. Обрати внимание на испаноговорящих, на арабов. Их много вокруг, и они на этой земле такие же пришельцы, как и евреи. У нас с ними много общего.

Позднее я понял, что Бенья готовил меня к улаживанию различных конфликтов. Оказалось, что в этом деле он был уважаемым и почитаемым человеком. Это была одна из сфер его деятельности, делающая его авторитетным в различных слоях общества. К нему обращались за помощью в разрешении споров, и это были не только евреи, но и пуэрториканцы, и американцы с черным цветом кожи, и многие другие. Его слово во многих ситуациях было решающим, поскольку устраивало обе спорящие стороны. Самым сложным было разрешение конфликтов различных этнических групп с местными властями, но и здесь Бенья обычно умудрялся находить точки соприкосновения так, что такие конфликты не выходили за рамки закона. Я все это понял позже, когда Бенья стал привлекать меня к участию в таких разборках, и это стало для меня серьезной жизненной школой. Я начал лучше понимать окружающий мир, с его проблемами и возможными путями их решения.

А пока я набивал голову всевозможными сведениями. Отрабатывал свой испанский с выходцами из Латинской Америки, русский с эмигрантами из России и так далее. Нашелся и учитель арабского языка, и лишь позже я понял, зачем он мне. Идишу вместе с Беней учил меня старый еврей, который смешно задира левую бровь, когда я делал ошибки. Это почему-то пугало меня больше всего, и я очень старался говорить правильно. А свои синяки я получал на тренировках по самообороне с тем высоким телохранителем, который в свое время забирал меня из моего прошлого жилья для встречи с Беней. Звали его Симон, для близких Сеня. Несмотря на такое домашнее имя, это был грозный боец, бывший спецназовец, необыкновенно сильный, быстрый и ловкий.

Сеня одобрительно отнесся к моему умению драться, которое я вынес из детских разборок в своем городе Одессе, но жестко и неукоснительно требовал доведения до автоматизма новых приемов защиты и нападения, что не раз выручало меня в будущем. Я подрос, налился

силой. Стал замечать, как на меня с интересом начали поглядывать девушки на улицах. Я решил посоветоваться с Беней, как лучше мне пригласить девушку в кафе, чтобы соответствовать своему новому образу и статусу. Карманные деньги у меня были, расходовать их, по сути, было некуда. Ел я дома, одеждой и обувью был обеспечен. Их правильный выбор, соответствующий ситуации, кстати, тоже входил в мое обучение.

–Учись быть хорошим понимающим другом в общении с девушками. Умей ненавязчиво проявить внимание и заботу, –поучал меня Бенья.

–Находи ту, которая выше тебя по уму, ну и конечно, чтобы тебе нравилась. Что бы между вами не произошло, она может остаться тебе верным другом на будущее. Дружба с хорошей, умной и красивой женщиной дорогого стоит. Умей ее защитить, не слишком демонстрируя свою крутость, и будет больше уважения к тебе.

Так по-отечески наставлял меня Бенья. Эти советы, как и умение постоять за себя, пригодились мне однажды, когда я шел с девушкой вдоль пляжа вечером при лунном свете, и нас стали задирать неведомо как забредшие сюда ребята – пуэрториканцы из другого района. Сначала это были сальные шуточки, на которые моя спутница просила не реагировать. Но ребятам явно хотелось показать свою силу и подраться. Когда один из них, явно вожак, попробовал положить девушке руку на плечо, она ловким движением выскользнула и сделала шаг в сторону. С коротким ругательством он шагнул к ней, и тут произошло то, что я осознал только потом. Время будто ускорило. Мои руки и ноги сами сделали то, чему учил меня Сеня. Не прошло и нескольких секунд, как четверо из этих парней лежали на земле, а пятый удирал со всех ног. Я хотел броситься за ним, но моя спутница удержала меня со словами: «Не стоит, он и так уже все понял». И тут я понял, что значит умная девушка – она не хотела, чтобы я проявил чрезмерную агрессию. Слегка смущенный, я под ее взглядом подал руку ребятам на земле и помог им подняться.

В этот момент рядом с нами остановилась полицейская машина с мигалками, и водитель через окошко спросил: «Дава, все в порядке?». Я его успокоил, сказав, что мы просто беседуем. Сказав: «Передай Бене привет», он уехал. И тут я понял, что Бруклин – мой район, где меня знают. Это мой дом. Напугавшиеся было ребята, которые хотели со мной подраться, смущенно пожали мне руку, сказав:

–Мир, амиго, мы не в обиде.

–Приходите, вместе кофе выпьем», – попрощался с ними я.

Это был один из моих первых опытов относительно мирного разрешения конфликтов. Когда Бенья спросил меня дома: -Все хорошо? (похоже он уже все знал), я ответил:

–разошлись мирно.

В ответ он молча кивнул.

Глава 4. Домик Одри.

Из этих грез меня вывел голос Одри.

Я резко вынырнул из своего сна-воспоминания и увидел, что Одри смотрит на меня искоса, как будто даже с сочувствием. Мне казалось, что я проспал долго, но прошло лишь несколько минут.

–Ну, что ты надумал? – спросила она.

–Надо пересидеть где-то в тихом месте, – ответил я. – Ни отели, ни мотели не подойдут. С его связями Шеф быстро нас отыщет.

–Не только ты у нас такой умный, – ответила она.

– Я сняла домик, о котором никто не знает. Папашке обычно нет дела, где я бываю, лишь бы глаза не мозолила. Так что не скоро хватится. Дом в тихом спокойном месте, там можно переждать и все обсудить.

Меня удивила предусмотрительность, которую трудно было ожидать от такой юной девушки.

–Тогда вези, – ответил я. – А я подремлю пока, если ты не против. И поглядывай вокруг на всякий случай, вдруг за тобой все же был хвост.

Взглянув на меня с иронией, она завела мотор, и я подумал, что мои последние слова были, пожалуй, лишними. Ловко развернувшись, она нажала на газ, а я откинулся на подголовник и мгновенно уснул.

Проснулся я, когда почувствовал, что мотор заглох. Хлопнула дверца, и я мгновенно напрягся, выхватив оружие. Может, она решила меня подставить, и я зря ей так быстро доверился? Но выбора у меня, похоже, не было.

Все как будто было тихо вокруг. Впереди темнела стена хибарки, к которой со всех сторон подступали деревья и кустарники, закрывающие дом со всех сторон. Да, место она выбрала подходящее.

Я выскользнул из машины и огляделся. В свете луны все казалось нереальным. Театральной декорацией. Темные силуэты деревьев отбрасывали тени на стены дома. Где-то глухо ухал филин, шелестела листва деревьев от дуновения легкого ветерка. Никаких других знаков, говорящих об опасности, я не уловил.

Впереди щелкнул замок, и я услышал голос Одри:

–Релакс, иначе я бы привезла тебя в другое место. Девчонка как будто читала мои мысли.

На стене дома появился темный провал двери, через мгновение сменившись светлым пятном, которое мне показалось очень ярким во тьме ночи. Прикрыв глаза рукой, чтобы не засвечивать зрение, я неслышно подошел к двери сбоку и заглянул внутрь.

–Да заходи уже, хватит прятаться, – услышал я насмешливый голос Одри.

– Кофе будешь?

В доме была всего одна комната, совмещенная с кухней. За занавеской угадывались очертания кровати. Я вошел внутрь и опустился на ближний стул у крепко сколоченного простого деревянного стола, покрытого клеенкой в мелкий цветочек, которая придавала комнате деревенский уют. И почувствовал, что за глоток кофе готов отдать один патрон из своего пистолета, а за полную чашку и все остальные. Тем более что чашка, которую Одри бухнула на стол рядом со мной, оказалась большая, на целую пинту.

– Люблю пить из больших чашек, так вкуснее, и вставать доливать не надо,

– произнесла Одри, опускаясь на соседний стул.

Мы пили обжигающий кофе, каждый в своих мыслях, молча разглядывая друг друга. Над столиком висел оранжевый абажур, придавая теплый оттенок света всему помещению и как бы объединяя нас в круге света, от чего хотелось просто сидеть, расслабившись и, ни о чем не думая, вдыхать аромат кофе.

Заметив, что я смотрю на абажур, Одри, неожиданно тепло и чуть смущенно улыбнувшись, пояснила, что специально искала что-то подобное для своего домика. Улыбка у нее получилась какая-то мягкая, детская, и я подумал, что ее бравада на дороге была, похоже, напускной. Только жесткие условия, в которых протекало детство, заставили ее надеть маску крутой девчонки. Впрочем, все ее действия до сих пор были логичными и продуманными.

– Кто ты таков, Дава Брайтонский, – вдруг спросила она, посмотрев на меня мгновенно изменившимся и ставшим острым взглядом. – Мне почему-то кажется, что это твоя ненастоящая фамилия, слишком уж вычурная. Или это просто кличка такая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.